

18+

Юлия Шмуклеревич

ИСТОРИИ ПРИВОКЗАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Даже параллельные здесь пересекаются

Юлия Шмуклеревич
Истории привокзальной
площади

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67113789

ISBN 978-5-0055-9611-6

Аннотация

Я нежно люблю аэропорты и вокзалы. Там я дома. В моменте, когда сердце бьется чуть чаще. И кажется, что прямо сейчас жизнь может круто измениться. Держи мои рассказы под рукой. И пусть они греют твою фантазию, возбуждают и отвлекают от грустных мыслей, если таковые имеются. Пристегнись, мы отправляемся в полет мечты. Обернись. Вокруг тебя сотни людей, тысячи эмоций. И все они – живые. Такие же, как те, кто встретит тебя на следующих страницах. Обнимаю каждого. Они – настоящие. Ты – тоже.

Истории привокзальной площади

**Даже параллельные
здесь пересекаются**

Юлия Шмуклеревич

Иллюстратор Елена Пульнева

© Юлия Шмуклеревич, 2022

© Елена Пульнева, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0055-9611-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории привокзальной площади

Предисловие

Я нежно люблю аэропорты и вокзалы. Там я дома. В моменте, когда сердце бьется чуть чаще. И кажется, что прямо сейчас жизнь может круто измениться.

Держи мои рассказы под рукой. И пусть они греют твою фантазию, возбуждают и отвлекают от грустных мыслей, если таковые имеются. Пристегнись, мы отправляемся в полет мечты.

Обернись. Вокруг тебя сотни людей, тысячи эмоций. И все они – живые. Такие же, как те, кто встретит тебя на следующих страницах. Обнимаю каждого.

Они – настоящие. Ты – тоже.

P.s. Куда же без него) Искренняя благодарность всем, кто помогал мне морально, пока я создавала эту книгу. Вдохновлял, писал теплые отзывы и говорил «соберись, тряпка!», «у тебя все получится!», «они правда классные!» и т. д. Ребята, с меня печатка с автографом – как обещала.

А еще – большую работу для этого проекта проделала талантлище, невероятной глубины и чувствительности дизайнер и иллюстратор Елена Пульнева. Она прочитала каждый рассказ – и писала к ним визуал по своим ощущениям. Это тот случай, когда «хвостиками», как у Кэмерона в "Аватаре". Уверена, вам понравится сочетание.

«Живой звук»

*Имей уважение к творчеству других.
я же не спрашиваю тебя в антрактах - ну и?*

Она была легкой. Легкой на подъем. С легкими пальцами, из-под которых лилась легкая музыка. С легкой улыбкой и легким ясным взглядом. С легкой подстройкой к обстоятельствам.

Тяжелыми были только ее локоны и характер.

Отсюда и вытекало ее густое и вязущее, словно незрелая хурма, одиночество. Когда-то она легко называла его свободой и гордилась независимостью. Потом прозрела: это подмена понятий.

Ей хотелось отношений. Она общалась с мужчинами, легко знакомилась и... превращала их жизнь в настоящий ад. Да что там. Преисподняя покажется санаторием в сравнении с существованием под каблуком самовлюбленного гения.

Если бы она ставила зарубки на фюзеляже – ей пришлось бы поменять самолет еще лет 5 назад. Сбитых гражданских и военных на ее счету было побольше, чем у любого заслуженного летчика во второй мировой.

Все всегда начиналось красиво. Мужчины влюблялись в нее, когда она выходила на сцену. Это ее естественная среда. Она освоила клавиши в 3,5 года. И с тех пор не расставалась с нотами и звуками. Они окружали ее повсюду. Стали ее судьбой, возбуждали и успокаивали, вдохновляли и тушили внутреннее пламя страсти.

Она ощущала звуки пальцами. Знала. Вот сейчас я легко коснусь этой клавиши – и она отзовется именно так. Или тя-

жело надавлю другую – и она пробасит возмущенно, остро – ровно так, как ей надо.

Сольфеджио сдала сразу, с первой попытки. И совсем не понимала этой бесовщины с нотной грамотой. Зачем ей это, если она сама прекрасно знает, как ей надо сейчас играть.

Как-то в интервью пронырливая журналистка задала ей вопрос: почему, мол, у вас каждый концерт отличается от предыдущего.

Потому что это другой концерт, и играет его другая я, не задумываясь ответила она. Разве ваш каждый день идентичен предыдущему? Журналистка хлопнула веками с длинными ресницами и пожала плечами. Наверное, нет.

Ее знали во всем мире. Она перестала аккомпанировать. Выступала только соло. С оркестром она не срабатывалась. У них ноты. У нее настроение. Хотите настоящую, ЖИВУЮ музыку? Слушайте душой, а не ушами.

Сначала агент рвал на себе остатки волос. Потом поймал ее вектор и поставил программу, которая собирала максимальную кассу.

Она купалась в деньгах, аплодисментах и любви своих поклонников. Но приезжала домой, снимала тяжелые каблуки с легких ног и бросала на пол букеты. Зачем они? Зачем эти мертвые цветы? Что они значат для нее?

Она распутывала свои тяжелые локоны легкими, чуть уставшими пальцами, ловко вытаскивала шпильки и заколки. Смывала тяжелый макияж легкой пенкой. Сцена требовала стиля.

Однажды в Вене она плюнула на все. Надоело. Черт, как же ей все надоело!!!

Она запретила подпускать к себе гримера и парикмахера. Отпустила водителя перед концертом. Сказала – я сама. Буду вовремя. Агент вышел на балкон после разговора с ней... И впервые за 23 года закурил. Она точно загонит его в гроб. Прямо точно.

А она напялила джинсы, кроссовки, мятую футболку с надписью I'm fun. Вышла из дома и решила: направо. Ближайшая парикмахерская оказалась очень демократичной. Восточная женщина тяжело поднялась со стула, когда она появилась в дверях. Газету на всякий случай не откладывала. Такая фифа вряд ли согласится здесь что-то делать.

Фифа осмотрелась, кивнула здрасьте и уселась в единственное кресло.

Филиппинка (так она окрестила медалистку многоборья — ибо она была одна в салоне, и, судя по всему, оказывала полный спектр услуг) неуверенно поместила прессу на столик. Подошла, взяла тяжелыми толстыми пальцами ее тяжелые густые локоны.

Спросила на ломаном английском. Что желаете, мадам?

Мадам желала налысо.

Филиппинка схватилась за сердце так искренне, что она поняла. Все верно. Давай!

На концерт она пришла в том же виде.

Агент пил коньяк и выл в ладонь. Что ты творишь? И где? Где, твою мать??? Ты хоть понимаешь, что это старая Европа! Это не место для экспериментов!!! Ты губишь свое имя. Ты губишь всех, кто рядом. Что ты за дьявол такой???

Она улыбнулась легкой улыбкой и пожала плечами. Ну, такой она дьявол. Незлой точно. Просто сейчас так надо.

Вышла на сцену прямо так. Лысая, в майке и штанах. Без поклона и приветствия.

Села за рояль. Зал молчал в полном оцепенении.

Первыми очнулись репортеры. Засветились глазки камер. Она повернула голову вправо и строго посмотрела на публику. Будто каждому в глаза.

Ей хотелось тишины. Абсолютной.

Тысячи людей ее услышали. И замолчали. Она заиграла.

В тот вечер она сорвала все аплодисменты, какие могла. Она впервые так легко отыграла программу. Вскочила со стула и от души поклонилась зрителям. По-русски крикнула спасибо вам!

В гримерке лежал только рюкзачок с документами. Зашла забрать его. Сказала охранникам – раздайте все цветы выходящим из зала.

В комнатке нашла агента, который рассасывал валидол.

– Твою ж мать, Тася! Блядь! Ну как так? – Он уже подсчитал барыши, но его еврейская натура бунтовала. – У нас

езде афиши висят, где ты с волосами. Мы не успеем переклеить!

– Моисей, угомонись. Все норм. – Она подхватила рюкзак и рванула к выходу. потом остановилась. – Где тут шавермы поесть можно, не знаешь?

– Какая на хуй шаверма, Тася! Яду мне, яду!

Она выскочила из гримерки, как пятиклассник, которого выгнали с урока в мае.

Нашла черный ход, просочилась по узким лестницам и оказалась на улице. Теплый июньский вечер окутывал ее, обнимал плечи, ласкал лысину.

Она повертела головой. Надо незаметно проскользнуть, пока нет репортеров.

Бежала парком или сквером. Потом свернула куда-то. Оказалась на пяточке, где гастарбайтеры шумели на своих азиатских языках и вкусно ели лепешки с мясом. Она принюхалась. Ммммм, то самое, надо брать!

В кошельке была какая-то мелочь из евро и долларов. Карточки ларек не принимал. Что делать?

– Тебе с каким соусом? – внезапно по-русски спросил

мужчина за спиной.

– В смысле? – Она аж подскочила от неожиданности.

– Ну, тут есть острый и обычный, томатный. Горчица еще. Тебе с каким? – Мужчина был высок, небрит, немолод. С тяжелыми веками над умными глазами.

– Обычный, – пискнула она неуверенно. В горле пересохло.

– Подвинься, я возьму, – угрюмо ответил он. – Чай будешь?

– Да..

Через 5 минут они сидели рядом на парапете и молча жевали шаверму. Не очень-то и вкусно. Но не суть. Есть хотелось.

Она поглядывала на него искоса. Журналиста? Отследил и решил воспользоваться, чтобы сдать огненный материал? Не похож вообще. Поклонник? Да ладно... У нее есть такие маргиналы?

Плащ мятый. Подвязан поясом, потому что лень искать дырку и застегивать нормально. Щетина пиздец. Неделя? Взгляд... Да им убивать можно.

– Тася. – Он неожиданно повернулся к ней всем телом. – Послушай меня, пожалуйста. И прежде, чем ответить, поду-

май хотя бы секунду.

– М? – Она ее жевала и замерла от такого посыла.

– Тася, ты гений... – О боже, ну только не это! Маньяк?

– Кто вы? Вы меня преследовали?

– Тася!!! Послушай меня спокойно. Я Герман, режиссер.

Между прочим, известный, хотя... – Он усмехнулся и выбросил в мусорку бумажку от шавермы. – Тебе, конечно, некогда смотреть киношки, да?

Она молча кивнула, дожевывая шаверму. Потом выхлебала полчашки чая. Господи, что происходит?

– Тася, я хочу снять фильм о тебе. – Почему он все время обращается к ней по имени?

– Какой еще фильм? – Она окончательно оторопела. Есть перехотелось.

– Биографию гения.

– Герман... – Она немного отодвинулась подальше от него. – Вы это как определили?

– Я езжу за тобой уже полтора года по всем концертам. И ты всегда разная. Сегодня... – Он повернулся к ней снова, и она увидела... Взгляд, совсем другой взгляд! Ясный, теплый и полный восхищения. – Сегодня я понял, вот она! Она готова!

Тася придвинулась обратно. Бред, конечно. Какой-то

взрослый дядька. Ну, то есть это она так всех сидящих висками квалифицировала – взрослые. Самой-то за 30. А вдруг, псих?

Он закурил. Молчал. Она ждала продолжения разговора. Решила осторожно начать первой.

– Так и?

– Подожди. Имей уважение к творчеству других. Я же не спрашиваю тебя в антрактах – ну и? – Он откровенно язвил. Пиздец, подарочек.

В этот момент где-то слева щелкнула камера и промелькнула вспышка. Он резко схватил ее за руку и потащил куда-то.

– Бежим, давай, быстрее! – Командовал, как шеф в «Солдат Джейн». Да он охренел что ли? Хотя, признаться, ей тоже хотелось бы слинять от СМИ.

– Куда?

– Я покажу, просто бежим.

Он вел ее дворами и подворотнями. Она просто волоклась за ним и задыхалась. Он держал ее за запястье, будто насильно тянул.

В какой-то момент они оказались в темной парадной. Проскочили два пролета, и он достал ключи из кармана. Открыл какую-то обшарпанную дверь и втолкнул ее туда. Она была в шоке. Темно, чужой город, у нее нет с собой ни денег, ни телефона (это выяснилось, когда она считала мелочь на шаурму). Она с этим психом не пойми, где вообще!

Псих тем временем включил свет в прихожей. И она увидела вполне приличную квартиру.

– Ну, все. Здесь ты в безопасности, – Он выдохнул и тяжело опустился на стул у стенки. – Располагайся. Завтра я тебя накормлю и отвезу в гостиницу. Сегодня тебе туда нельзя. Они разорвут тебя. Ты понимаешь?

– Кто они? – Она искренне ничего не понимала. Вот так просто подошел этот странный человек, угостил шавермой, утащил куда-то на окраину чужого города. Боже, да что ж такое-то?

– Тася! – Он вскочил и встряхнул ее за плечи. – Ты, блядь, чо творишь-то??? Ты взорвала зал! Ты играла так, как никто и никогда не играл! И ты сейчас не понимаешь, что тебя ждет?

– У тебя яблоки есть? – Тася внезапно расслабилась и как-то вдруг все поняла. Он реально спас ее. – Я яблоко хочу. Зеленое... – Она смотрела на него своим ясным взглядом. Только он видел легкую девочку, которую все еще держал

своими большими руками за хрупкие плечи.

– Есть красное. Не хочешь – не ешь. – Он отпустил ее и пошел вглубь квартиры, не разуваясь. Откуда-то издалека ворчливо прохрипел, – Спать в этой комнате будешь. Я постелю тебе.

Она прошла вслед за ним. Спальня. Приличная. До нее медленно доходило, что он реально ее спас в этот вечер. От навязчивых поклонников, репортеров и прочих личностей, которых ей сегодня вообще не хотелось видеть.

Он неловко топтался вокруг кровати, а она в каком-то порыве взялась помогать ему. Он не смотрел на нее.

– Ты устала, наверное. Давай, я сам.

– Зачем ты все это делаешь, Герман? – Она отпустила уголок простыни и плюхнулась по центру не застеленной кровати. Она вновь почувствовала себя легко. Странный мужчина перестал ее пугать. он заботился.

– Тася! Ты мне сейчас не помогаешь вообще, – Но она заметила, что он усмехнулся. – Я это делаю, потому что я тебя люблю. – Он сказал это так буднично, словно предложил ей куриный бульон с яйцом на обед.

– И что ты хочешь? – Она запнулась. – Взамен?

– Разве я предлагал тебе сделку? Я всего лишь хотел убедить любимую женщину от придурков с камерами. – Он со-

пел и сосредоточенно пихал подушку в наволочку. Получалось не очень. Она вырвала у него эту конструкцию и прямо с позиции лежа ловко поместила одно в другое.

– Ты серьезно? – Она валялась звездой на незастеленной кровати и легко улыбалась. Господи, как хорошо!

Он строго посмотрел на нее и вышел из комнаты. Она вдруг ощутила всем телом дикую, невероятно тяжелую усталость. Мышцы налились свинцом. Ее буквально придавило к кровати. и она забылась сном, как шахтер после смены в бригаде Стаханова.

Утром проснулась и улыбнулась. Сама не поняла, почему. Как будто не выветрившиеся пары сна еще влияли на ее восприятие мира.

Она сверилась с реальностью. Вещи, что были вчера – перекочевали в сегодня на ней. Изменилось одно – настроение.

Оно стало легким, каким-то воздушным. Вчера, играя почти обнаженной – она отпустила себя всю. Она отдалась музыке до самого доньшка. Она растворилась в звуках из-под пальцев. И ей было удивительно прекрасно сегодня. Как прекрасно через боль ощущают себя женщины после естественных родов.

Она принялась. Яичница с беконом. Классическое местное блюдо. Но не отельное. Домашнее, теплое, с любовью. Так ей дед жарил, когда она маленькая была и жила у него. Только тогда это называлось – со шкварками. А теперь вон чо – бекон. Европа, епт.

Она упруго встала, потянулась, как кошка – об стенку. И пошла на запах. Кухонька оказалась совсем крошечной. И он ее занимал, он в ней царствовал. В домашних трико и майке-алкоголичке. В тапочках. Она залюбовалась.

– Доброе утро, – почему она при нем всегда пищит, как раненый воробей? – Я голодная и хочу курить. Можно?

– Можно. – Он даже не обернулся. Ну, и тиип. – Форточку открой. Завтрак шас будет. Натощак-то не кури...

Он колдовал над сковородкой, она проглотила слюну и решила, что курить, правда, лучше после еды. Этот угрюмый небритый мужик все больше нравился ей. Как-то нутром. Без розовых соплей.

– Скажи мне про кино. Что от меня надо? – Она не знала, как установить контакт. Впервые. При том, что всегда брала мужчин сама. А тут – непонятно все. Он делает ей добро – и одновременно делает вид, что ему на нее плевать.

Он выключил плиту, подошел к окну и закурил сам. Помолчал с минуту. Она злилась: тоже мне, МХАТ играет! Фу, позерство!

– Тася. Я хочу, чтобы ты пожила немного под камерой. Именно пожила. – Он вкусно затягивался тонкой сигаретой и смотрел ей прямо в глаза.

– Я не актер, Герман! Я пианистка! – Она вмиг вскипела. Что? Ее – под камеры???

– Я знаю, Тася. Я тебя знаю, как не знает никто в этом мире. – Он отвернулся. Волновался. – Мне нужна настоящая ты. Вот как вчера. Всем нужна такая!

– Что я должна делать? – Она подошла и встала рядом с ним. – У меня же график гастролей расписан и утвержден на полтора года. Как я могу играть под камерами? Когда?

– Я буду ездить с тобой! – Он так резко развернулся, что нечаянно задел ее локтем. Она потеряла предплечье.

– И? Ну, вот, приехали мы... Ну, допустим, в Варшаву. Или в Стамбул. И что? Дальше-то как? Ты же не будешь в моем номере жить, чтоб реалити шоу снимать?

– Буду. – Он сказал это так буднично, как люди отвечают на вопрос: чай будешь?

– Я против! – В ней бунтовало все. Она готова была драться от досады. Да что он, черт побери, себе позволяет?

– Это мы исправим. – Она уставилась на него глазами размером с пятак. А он выбросил окурок в пепельницу. – Идем

есть. Остывает.

Яичница действительно была гораздо вкуснее гостиничной. Откровенно говоря, она давно так вкусно не завтракала. Все эти разъезды стали огромным плюсом – в быту она была довольно беспомощной. А домработниц не особо любила. В те редкие дни, когда она приезжала домой между гастролями – ей хотелось побыть совсем одной. И снующие повсюду помощницы по хозяйству только раздражали. Мамы и деда не стало несколько лет назад. Как-то почти одновременно. И больше не к кому было приезжать на фирменную яичницу и пирожки с яйцом и зеленым луком.

– У меня самолет через 7 часов, – зачем-то сказала вслух она.

– Я отвезу тебя в гостиницу, соберем твои вещи, потом провожу в аэропорт. – Он говорил уверенно, словно они уже достигли каких-то соглашений.

– Мне надо позвонить агенту, а то он сойдет с ума.

– Я уже написал Моисею, он в курсе, что ты со мной и в порядке.

– Как? Ты... знаешь Моисея? Вы сговорились что ли? – Она негодовала! Вот так номер! Верный старикан слил про нее инфу. Небось, хотел заработать.

– Так, тихо. – Он заметил, как она побагровела всей лысиной. – С Моисеем я познакомился давно. Еще даже тебя

не было. Мы с ним вместе учились. Только я вот снимаю фильмы, а он талантливо продвигает гениев. Года 2 назад пили вместе. И он сказал мне, что у него сейчас проект, ради которого он бросил все. Это ты. А у него чуйка, я знаю. Он с первых трех аккордов угадает талант. Я сначала плечами пожал. А потом он мне дал билеты. Мы тогда еще с женой вместе пришли. – На этой фразе она почему-то замерла. Жена? – Полгода я не мог понять, что происходит. Все не то, все не так. Сценарии говно, снимать не хочу. Потом дошло. – Он убрал пустую тарелку в раковину и присел на подоконник, собираясь закурить.

– Что? – Ей не терпелось. Она уже наелась половиной порции и хотела знать подробности. Все же любят послушать историю о себе.

– Что я влюбился в тебя. И хочу поставить фильм о тебе.

Он спокойно курил, смотрел ей прямо в глаза и говорил так просто, будто рассказывал ей рецепт той самой яичницы. Она онемела. Так ей в любви еще никто не признавался.

– Моисея ты вчера, конечно, уделала! – Он вдруг расхохотался в голос, и в уголках глаз морщинки сложились гармошкой. Почему-то ей это показалось милым. – Как он страдал во время концерта. Это Вена, здесь так нельзя, они не поймут, – передразнил он своего старого приятеля.

У него так натурально получилось, что она прыснула. Он тоже рассмеялся.

– Да, ему от меня достается. – Она погладила свою голову без волос. – Как тебе моя новая прическа?

– Огонь! Тебе идет! – Он был абсолютно честен. Это она умела считывать.

– Сколько будут длиться съемки?

– Я думаю, мы уложимся в 5—6 месяцев.

– Полгода ты собираешься жить со мной? – Она распахнула глаза еще шире. И в этот момент вдруг вспомнила. – Послушай, Герман. Ни один мужчина не прожил со мной дольше месяца. Ломались, спивались, сбегали к мамам, другим бабам, психотерапевтам. Просили политическое убежище в Таиланде с условием смены пола. Куда ты собрался? И... Жена же!

– Я не эти дурные слабаки. – Он подошел к ней сзади и положил свои тяжелые руки на ее хрупкие плечи. Поцеловал по-отечески в макушку. – Я ж развелся. Какая жена, если я тебя люблю.

Она замерла. Ей нравилось. Нравилось вообще все. И яичница утром. И его запах – какая-то странная смесь табака и древесного парфюма. И его близость физическая очень нравилась.

– Мне пора... – Она попыталась встать, но его руки на плечах все еще удерживали ее.

– Я звонил утром Моисею. Тебе некуда торопиться. Твои выступления в Тбилиси начинаются через 3 дня. Я взял нам билеты. Репортерам мы пустили вчера утку, что ты улетила частным самолетом на корпоратив в Дубаи. Вечеринка закрытая...

– Но! – Она от возмущения аж задохнулась. – Я не езжу по корпоративам!

– Плевать, сейчас большинство журналистов уже разлетелись по своим редакциям. Так что у нас есть 3 дня в прекрасном городе, где тебя никто не узнает, если мы наденем тебе парик. А я тут родился, между прочим. Могу тебе много чего показать.

– Родился? – Она как будто прослушала все предыдущее и глухо отозвалась на последнее предложение.

– Ага, отец был атташе. – Он все так же стоял за ее спиной и ласково массирует ей плечи.

– То есть Моисей согласился с тем, чтобы я тут задержалась? – До нее дошел смысл сказанного.

– Я умею убеждать. Он заинтересован в твоей безопасности. Я обрисовал ему схему, он счел ее идеальной. Твой телефон у меня, если что. – Она резко развернулась. Это уже была наглость. Они все подстроили за ее спиной!

– Ты!... Вы... – Она пыталась подобрать слова, но выходили только матерные. – Блядь, я вам игрушка что ли???

Он вдруг развернул ее стул и встал на колени перед ней. Обхватил ладонями ее бедра и уютно улегся щекой на ее колени.

– Таська! – Ее бросило в жар. Так ее звала мама. – Ты самое дорогое, что у меня есть. Я живу только тобой. Я тобой дышу. Как ты думаешь, я могу причинить тебе вред, боль, что-то нехорошее, а? – Она оторопела окончательно. Если он учился по Станиславскому, то она готова аплодировать и кричать ВЕРЮ.

– Ты... – Она не знала, что говорить. Растерялась. Обычно она решала, кто будет ее любить ближайшие пару месяцев. А тут совершенно очевидно, что взрослые дядьки подумали за нее. – Ты сумасшедший? – Кажется, она догадалась.

– Да! Я сходил по тебе с ума. А потом понял, что только я тебе подхожу, как мужчина. Я сделаю тебя самой счастливой. – Он еще сильнее прижал ее к себе.

– Твою ж мать... – Она попыталась встать. – Да выпусти ты меня. Господи! Вы с Моисеем два идиота! Я вам игрушка? Кукла? – Она была в бешенстве. Самонадеянные старикашки! Это она! Она вправе брать любого мужчину! А не ее вот так, как вещь – мы решили, я решил. Охренеть!

– Тася... – Он с сожалением выпустил ее. Она рванула в коридор, схватила рюкзак и выскочила, хлопнув дверью. – Да куда ж ты... Телефон хоть возьми!

Она даже не обернулась. Просто бежала, как испуганная лань. Поймала такси и попросила отвезти в банк. Карточки при ней, там куча денег. Сняла наличку. Попросила салон связи. Таксист молча отвез и туда тоже. Купила новый телефон. Новая симкарта, новая жизнь. Хотя... это всего лишь на несколько часов, для выхода в сеть. Надо купить новый билет. но... Куда? Лететь домой небезопасно. Адрес в Питере знают все. Там сейчас наверняка стоит толпа у двери.

В Тбилиси как бы рано. Не больно-то она любила этот город, чтобы просидеть там неделю со всеми концертами. Впрочем... Есть Батуми. Там море. Там тепло. В гостинице вещи, надо бы забрать. Но ехать туда опасно. Наверняка, 2 этих психа уже все собрали. Вот и пусть. А она полетит прям так. И все купит на месте.

2 дня на теплом море. Первым делом спрятала лысину от палящего солнца. Плавала легко, словно дельфин. Ела хинкали. Пила много вина. Накануне концерта долго думала. Написать ли Моисею? Она уже выдохнула и перестала злиться на эту парочку.

Но в целях воспитания решила: пусть поволнуется. А она придет на концерт к означенному времени.

Ее аж подкидывало от предвкушения. Моисей, небось, уже с инфарктом. Так тебе и надо, засранец. Она думала об этом и улыбалась. Беззлобно. Спокойно. Тепло.

Она явилась в панамке, широком легком сарафане и сандалиях. Тощие плечи загорели. Темные очки на поллица скрывали глаза и обнажали веснушки на носу и щеках. Влетела в гримерку за 7 минут до выступления. Моисей сидел на диване, обхватив руками большую умную голову с редкими волосенками. Она весело чмокнула его прямо в темя. Он подпрыгнул от неожиданности, выругался на смеси русского мата и иврита. Закурил еще раз. Теперь он курил постоянно.

Она бросила сумку и очки на столик.

– Я готова, – и пошла к кулисам.

– Тася, блядь! – Моисей даже не встал. Он просто перекрестил эту сумасшедшую в спину. Как всегда, впрочем.

Она легко играла тяжелую музыку. Она была пропитана солнцем и морем. Она отдыхала сейчас над клавишами. Это ее стихия. Это ее воздух. Вышла на поклон и увидела ЕГО в зале. Он смотрел на нее с любовью и восхищением. Но он был без пошлых роз. просто сидел и любил ее.

И вдруг она остановила аплодисменты рукой. Вернулась

к роялю, села и исполнила нечто совершенно фантастическое. Зал замер. Она играла свое. Сокровенное. Впервые на широкую аудиторию. По памяти. Просто пела душой и пальцами.

На поклон вышла, зажмурившись. И когда посмотрела в зал, увидела, что многие все еще плачут.

Музыка – это интернациональный язык. Вы можете не понимать друг друга словами. Но звуки рояля вы точно поймете. Она знала это всегда. И стремилась к тому, чтобы играть сердцем для сердец. Сегодня она превзошла саму себя! Он сидел с прикрытыми веками и улыбался. Она поймала себя на мысли, что ей приятно видеть его. И даже предателя Моисея. Соскучилась.

Быстро выскочила в гримерку, схватила пляжный шопер и проверила. В этот раз телефон был на месте, документы тоже. Моисей материализовался следом.

– Тася, стой! Нам надо поговорить!

– Ты знаешь, что я хотела тебя убить пару дней назад? –

Она легко развернулась и обняла агента за шею.

– Мне казалось, ты все наши годы работы только этим и занимаешься. – Моисей обнял ее левой рукой, а правой вытер пот со лба. – Дай, я пиджак сниму. Мокрый весь от этой

проклятой жары. – Он тяжело опустился на стул.

– Рассказывай! – Она забралась на диван с ногами и открыла бутылку Боржоми.

– Тася, прошу, пойми меня. – Он заметно волновался, и ее это развеселило окончательно. – Я желаю тебе только добра. Сколько мы с тобой лет вместе, моя девочка? Ты гений! – Он выглядел усталым и измотанным.

– Моисей, я тебя люблю! – Она подскочила и еще раз чмокнула его в макушку.

– Не отвлекай меня, – строго сказал он. – Дай я скажу все. Когда Герман пришел, я послал его на хрен. Я знал, как ты отреагируешь. Но. Он... В общем, он в тебя влюблен настолько, что смог меня убедить. Дай ему шанс. Вы... Вы оба талантливы. Он снимет фильм о живой легенде! – Моисей смотрел ей в глаза, и она понимала, что он говорит совершенно искренне.

– Но... Жить со мной в номере?? – Она встала, нерешительно прошлась по комнате. – Как вы себе это представляете? Что это такое?

– Мы будем снимать большие многокомнатные номера. Не переживай об этом. Он взрослый и осознанный мужчина. Никто тебя пальцем не тронет. Мы не собираемся тебя насилловать. Ты ж знаешь, я за тебя порву, голову отгрызу и сделаю так, что даже патологоанатому будет нечего констатировать.

Тася знала. Моисей ей был, как второй отец. Понятно, что он через нее зарабатывал. И очень прилично. Но он заботился о ней. И всегда обеспечивал ей безопасность. Сидя на теплой гальке в Батуми, она переосмыслила этот сюжет. Наверное, иначе бы не получилось. Она отказалась бы даже знакомиться с этим немолодым мужчиной. И уже тем более, отвергла бы подобные предложения.

Вот так, через шок – даже лучше. Так она теперь знает: Герман хороший мужчина. Просто по-человечески.

– Хорошо. – Она поднялась и взяла сумку. – Где он?

– Да уж за дверью, не иначе, – хмыкнул агент и выдохнул. Согласилась!

– Давай проверим, – усмехнулась она и потянула ручку на себя.

Герман зашел сразу же. Руки в карманах штанов, шляпа какая-то странная, гангстерская. Рубашка, рукава закатаны. Он даже показался ей моложе.

– Поехали, – коротко и без приветствия сказал он. – Накормлю тебя нормальной едой. А то ведь фигню всякую ела без меня.

– Во-первых, привет. – Она гордо прошла мимо него в коридор.

– А во-вторых, какого хрена, Тася? – Он возмущенно высказывал ей за ее поведение, догоняя ее по пути к черному ходу. – Моисей чуть с ума не сошел!

– Так ему и надо! Старый предатель!

– Тася! – Он схватил ее за запястья и развернул к себе. Потом замолчал. – Господи, дать бы тебе по твоей умной лысой башке. Но не могу.

– Что ж мешает? Вы же можете управлять моей жизнью, забирая телефоны? А что, ударить слабо? – Она вдруг снова рассвирепела.

– Поцеловать тебя хочется, – вдруг как-то по-мальчишески беспомощно признался он.

– А, ну так, это уже мелочи. Я так понимаю, мне с тобой и спать придется? – Она бушевала. А он отпустил ее руки и пошел по коридору, не оборачиваясь.

Он сидел на парапете и курил. Она пристроилась рядом.

– Извини. – Зачем-то положила голову ему на плечо. Он перекинул сигарету в левую руку, а правой накрыл ее висок и щеку.

– Это ты извини. я правда хотел все тебе в лоб сказать. но Моисей отговорил, мол, она шальная, такое даже слушать не будет.

– Моисей, мой любимый старый еврей, – Она смеялась и поворачивала лицо к его ладони, чтобы осторожно кос-

нуться губами руки. – Он был прав.

Он выбросил сигарету и обеими ладонями притянул ее к себе за шею. Они были буквально в сантиметре друг от друга. И ее вдруг начало приятно трясти от этой близости.

– Тася, я убью любого, кто попробует сделать тебе плохо. Я тебя люблю так, как никто и никогда тебя любить не будет. – Он чуть приблизился, но остановился. Будто в шахматах – на одну клеточку. А теперь твой ход. Она замерла, оцепенела. Потом вдруг впилась в его губы. Жадно, агрессивно. Она давно не целовалась. В последнее время она устала от этих мальчиков, которые попадались и отсеивались.

Моисей курил со старого Тбилисского балкончика над ними и думал, что если они сейчас не остановятся, то завтра в газетах появится просто шок-контент. Ну, и ладно. Пусть будет. Все к деньгам.

«У меня все Ок»

Он хотел убить ее прямо сейчас. За что так?

Он вышел. Она закрыла дверь на засов. Ключи повесила на крючок, так проще курить в подъезде.

На прощание он пытался поцеловать ее в губы. Она осторожно увернулась. Получилось – в шею. Он задержался и сделал вдох. Вкусно. Смесь табака и ЕЕ запаха. Он такой,

особенный. От уютных женщин пахнет супом, детскими кашками и чаем.

От нее – независимостью, сигаретами и вином.

Ему нравилось.

Он хотел бы вдыхать этот аромат каждый день. Но она была против. Черт бы ее побрал. Зловещая, роковая. Недоступная.

Он так и не понял, в какой момент они вдруг перешли к сексу. В какой момент его голова забила ее телом, как забиваются стиральные машинки бельем, если не стирать хотя бы раз в неделю.

Он оборачивался на окна несколько раз. Эти, точно эти. Но в проеме не было силуэта. Ее силуэта. Неужели ей по фигу?

Месяц назад он сказал ей: приезжаю в последний раз. Она затанулась своим Вогом и кивнула. Ага, напиши за неделю. Отправлю своих к Аньке. Ну, да. Зачем детям объяснять, кто такой Сергей. И вообще. Ни крикнуть, ни всхрипнуть во время секса.

Она и отправила. Разрешила ему остаться на ночь.

При встрече он думал – подойду и поцелую. Прямо сразу. Скучал. Назвал ей на всякий случай свой рейс. Она ответила «ок». Он понял – не встретит.

Ему хотелось, чтобы у нее дома пахло жареной картошкой, которую она всегда вкусно и весело готовила. Но она сидела в трусах за своим буком.

– Извини, я щас. – Подставила щеку и откинулась в рабочем кресле.

– Конечно. – Он сделал вид, что тоже занят. Уткнулся в телефон.

Она шепотом материлась, потом будто вспомнила о нем. О, прости. Есть хочешь? Правда, у меня нечего... Опять взгляд умных глаз в какой-то чат.

Он есть не хотел. Он хотел убить ее прямо сейчас. За что так?

Она медленно, но суетливо собралась. 20 раз проверила зарядник, зажигалку. Господи, да есть у меня, чем прикурить. Идем уже, пока я тебя прямо тут не раздел.

Вышли.

Гуляли, говорили. Он мечтал, чтобы она достала сигареты. Тогда была возможность дотронуться до ее пальцев. А он знал, на что они способны. Он дышал ее волосами, когда она оборачивалась к нему спиной. Осторожно приближался.

Ходили пешком. Долго. Она держалась чуть поодаль. Много рассказывала о своем городе. Как экскурсовод. Он делал вид, что у него куча дел. Отвечал на звонки. А сам смотрел на ее спину. Тощая, как велосипед. Черт. Черт. Он хотел прямо сейчас обнимать ее – а не вот это все.

Потом вернулись к ней. Он не знал, что делать. То ли непринужденно болтать ни о чем. То ли с порога начать ее раздевать.

Она пошла вглубь квартиры привычно – у себя дома же. Кот вышел встречать, сонно потянулся и ткнул его носом в щиколотку. Ну, свой уже, чо.

Она говорила без остановки. Про детей, про работу. Он слушал и внутренне сотрясался. Она решила поставить чайник. Нашла на ощупь где-то на полке заварку.

И вот в тот самый момент он понял, что не владеет собой.

Как-то резко встал, она обернулась. А он просто обнял ее и впился губами в нежную шею. МММММ, как вкусно!

Она замерла. Потом осторожно обхватила его плечи ладонями. Он легко приподнял ее под ягодицы и усадил на столешницу. Долго и жадно целовал, дышал ею.

– Сереж, ну зачем? – Она тяжело дышала в слиянии с его телом.

– Что именно зачем?

– Все это. Ты же больше не приедешь! – Она отодвинулась. Он беспомощно опустился на стул.

– Ты сама отказалась от всех вариантов, которые я предлагал, чтобы мы были... – Он запнулся, почти проглотил это слово. – Вместе...

– Ну, так я и не хочу вместе. – Она заливала заварку крутым кипятком и насыпала какую-то траву из баночек. Привораживает, что ли?

– А чего тогда ты хочешь? – Он повысил голос, слышались возмущение и отчаяние.

– Чтобы у тебя все было хорошо. – Она обняла его сзади за шею. Он вздрогнул от неожиданности. И поцеловала в висок. – И секса хочу. Просто секса, понимаешь? На прощание.

– Самолеты летают так-то... – Он подхватил ее и усадил на колени. Она устроилась по-кошачьи легко и уютно. Улыбалась ему открыто. Подставила губы для поцелуя. Он не со-

противлялся.

– Пусть себе летают. Главное, чтобы у тебя все было Ок. Отвыкай от меня давай.

– У тебя кто-то есть здесь? – Он вдруг догадался. А, вот оно что! Она уже подыскала ему замену.

– Какая забавная мысль! – Она расхохоталась. – А что, идея-то рабочая. Чего это я, правда, расслабилась тут. Поможешь в Тиндере зарегистрироваться?

– Если ты скажешь еще хотя бы слово, я тебя выброшу в окно, клянусь. – Он смотрел на нее с такой нежностью, что ей стало не по себе. Все, все. Завтра он уедет навсегда. Она освободит свою голову от него и сможет выдохнуть.

Ей было страшно от этих мыслей. Страшно и горько. Холодно внутри. Но еще страшнее было согласиться на его варианты. Переехать к нему. Или принять его у себя с вещами.

Мягко говоря, она была женщиной с историей. Два скандальных развода, куча романов за плечами. Сын и дочь от разных отцов. Первый уже в пубертате. Характер ее, внешность первого мужа. Упертый, импульсивный. Дочь попроще. Она принцесса.

В этом городе у нее все. Как уехать? Свой цветочный магазин с именем. Родня, которая всегда рядом. Иногда настолько, что хотелось бы и подальше. Но вот та же Анька ее вы-

ручает с детьми. Отцы детей, кстати, тоже. Дочь особенно привязана к папе. Как ей переезжать за тысячи км?

У него за этими тысячами км тоже все устоялось и наладилось. Он прилетал в ее город по работе. Нашел тут бизнес партнеров. Перспективная сделка требовала его личного участия. Она не вникала особо. Хотя он охотно рассказывал.

Собственно, они так и познакомились. Ее бывший муж ехал на первую встречу с ним, потенциальным инвестором. Они должны были пересечься чуть раньше, но она опаздывала из-за пробок. Поэтому за дочерью примчалась сразу на место их деловой встречи.

Неловко припарковалась, выскочила из машины, хлопнула с досадой дверцей. Предвкушала, как муж ей вынесет мозг за ее «вечную» несобранность.

Остановилась на тротуаре, чтобы впихнуть в сумочку сразу все: сигареты, ключи, кошелек. Он материализовался из ниоткуда. Что-то спросил. Она не слышала – наушники глушили внешние звуки. Он дотронулся до рукава ее куртки. Она подняла глаза, отпрянула и вопросительно посмотрела. Потом освободила одно ухо. Объяснила ему, как дойти до его «пункта В». Сама вертела головой, искала на парковке машину бывшего мужа.

Собеседник вроде все понял, но никак не хотел завершать разговор. Ощущалась неловкость в моменте. И вдруг он сказал:

– Меня зовут Сергей. Я в вашем городе впервые. По работе... – Потом просто на выдохе. – Можно вас на ужин пригласить?

– Что? – Она от неожиданности вынула второй наушник и посмотрела на него – впервые с начала разговора.

– Я не знаю, где у вас вкусно и приятно кормят. Выбор заведения за вами. Я готов записать ваш номер и имя. – Он действительно стоял с телефоном в руке.

– Внезапно, – усмехнулась она. Но телефон продиктовала. Почти курортный роман так-то. Он командировочный. Приехал и уехал.

Сюрпризы продолжались. Когда она договорила свои цифры, до ее локтя дотронулся запыхавшийся бывший муж.

– Иди быстрее, Аринка в машине спит, переложим ее к тебе, у меня же встреча, о чем ты вообще думаешь? Хотя вопрос должен звучать – чем ты думаешь! И ответ я знаю. – Вдруг он заметил, что она не одна. Посмотрел снизу вверх на ее собеседника и запнулся. – Сергей Иванович?

– Да, Артур, добрый день. Вот и славно, что мы встретимся.

лись еще на улице, а то я тут немного запутался со входами. А... вы знакомы?

– Знакомы. Александра, моя бывшая жена. Из-за ее несообразности я опоздал, извините.

– Ничего страшного. Очень приятно познакомиться со всеми. Завершайте семейные дела, я пока покурю в створке.

Она оторопела. Вот это фокус. Потом они со смехом вспоминали. Что от ее бывшего по сути цимес получился дважды: с дочерью и с их встречей. Это ей. А ему – еще и выгодный контракт.

Тогда они просто поужинали. Скомкано попрощались. Он поехал в гостиницу, она к себе. Утром он написал ей просто: «Я всю ночь о тебе думал. Это как-то странно».

Она посмеялась, конечно. Проще все обращать в шутку: «Измерь температуру, вдруг, заболел». Он ответил: «У меня все Ок. Вот только хочется слышать твой голос».

Красивый подкат, подумалось ей. Ну, и? «И» прозвучало в следующем сообщении. Он звал на обед. Уточнял ее график. Она согласилась. Погода была ужасная. Гулять хотелось в последнюю очередь. Они сидели у камина и грелись супом. В этот раз он ненавязчиво пересел к ней. Мол, музыка, плохо

слышно друг друга. Заботливо завернул ее в плед.

В тот вечер они оказались вдвоем в его номере. Вино кружило голову, расслабляло, освобождало мозг, скованный опытом, ошибками и страхами новых отношений.

Командировка. Завтра улетит. И все. Но за ночь ему спасибо. Было весьма неплохо.

Он улетал. Писал каждый день. Звонил по вечерам, чтобы спросить, как дела. Сначала она дергалась: зачем все это? Потом как-то привыкла. Делилась своим. Интересовалась его. Раз в месяц он прилетал. Всегда сообщал номер рейса. Но она никогда не встречала.

Потом он узнает правду: она не догадалась. Ей надо было просто сказать вслух. Или написать. Приехать несложно. Но соблюдать границы – святое. Вот и соблюдала. Сама придумала – сама блюла. А он всегда прилетал. И первым делом вызывал такси к ее дому. Где она сидела в коротких шортах и огромной футболке, курила в подъезде и шепотом материлась на кого-то в сети.

И вот прошлый прилет. Он понимал, что больше тянуть нельзя. Ни со сделкой. ни с новостями, которые ее не порадуют. Он итак уже погряз во всем этом романе. Черт, решать

надо было именно ему.

Она лежала так, что ей было слышно его сердцебиение.

– Пойдем покурим, – предложил он и поцеловал ее светлую макушку.

– Нуууу, – Она сладко потянулась. – Давай еще поваляемся. – Это означало, что она хотела продолжения. А у него стыла кровь в жилах от предстоящего разговора. Ух, как неприятно признавать себя мудаком.

– Давай покурим и поваляемся, хорошо? – Он осторожно приподнял ее голову, посмотрел в глаза. Как током ударил. Ее аж передернуло. Что-то с ним не так, явно не так.

Он курил в форточку и впервые не обнимал ее при этом. Она куталась в огромную бабушкину шаль.

– Саш, я в следующий раз приеду заключать договор. – Он замолчал. Она дымила в сторону, не глядя на него. – Саш, давай решать как-то. Ну, что у нас... дальше?

– Ничего у нас дальше, Сереж. – Он любил, когда она его называла по имени.

– Почему?

– Потому что у тебя есть семья, о которой ты не говорил ни слова. Просто ни слова. Это тухло и низко. Я знаю все. Бывший муж расстарался. И наверное, впервые я ему

искренне благодарна за попытку поднасрать мне в душу.

– Саш, так я об этом и говорю! – Он нервничал и ходил по коридору. Она не двигалась. Как будто не дышала. Внутри нее повис комок из слез и горечи. Она не могла затаиться, сигарета тлела.

– А вот говорить надо было раньше, Сереж. – Она повернулась к нему. С одной стороны, стало легче. Не плачет. С другой... Ей что, совсем без разницы?

– Я пытался, но как-то было не в тему... – Он развел руки. Беспомощно. Господи, да что ты за мальчик в свои 38?

– В общем, давай сделаем монтаж в части историй про больную жену, которая вот-вот скончается. Про детей, которым будет не до учебы, если вы разведетесь. Просто все идет по плану. Ты прилетаешь через месяц, мы с тобой прекрасно проводим время и продолжаем... – Она запнулась, затаилась наконец-то. – Жить каждый своей жизнью. – Он хотел ее обнять и поцеловать. но она стояла... Съежившись, ошестинившись – будто испуганный еж. Лопатки торчали. Волосы дыбом. Он понимал, что ей все это ни фиги не просто. А показуха – просто самооборона.

– У меня все здоровы. Переезжай ко мне. я разведусь.

– Нет. Нет. И на этом разговор окончен. Я перестала тебе доверять, когда увидела копию твоего паспорта. Сереж, не порть вечер, а? – Она усмехнулась. – Ну, ты ж потрахаться приехал? Вот и давай.

Переубедить ее было невозможно. Она стала реже отвечать на сообщения. Писала сухо, коротко. «У меня все Ок». Могла и звонок сбросить. Не перезванивала. Он бесился. Но что сделать? Да, это его косяк. Он не знал, что его так засосет в эти отношения.

И вот он вышел от нее в последний раз. Несколько раз обернулся в надежде увидеть ее в окне. Он был готов остаться, отменить билеты. У него был план Б – если она позовет. Он уже все продумал с бизнесом. Но она не позвала. Не простила его ложь. Хотя – какая ложь? Не договорил просто. Она же не спрашивала.

Она в ту ночь совсем не ложилась. Курила каждые полчаса, чего с ней давно не было. Пила теплый виски, не разбавляя. Не различала вкуса. Горько и горько. Что с этой горечи на языке, если внутри все куда противнее и херовее?

Под утро дрожащими пальцами написала ему СМС. Ты долетел?

Он спускался по трапу. Он все принял. Нет. Она имеет право сказать нет. Значит, он возвращается в семью. Хорошо, что не успел ничего разрушить. Весь полет он проспал сном младенца. Впервые за все свои командировки написал жене номер рейса.

Увидел сообщение. Помедлил. Убрал телефон в карман пиджака. Прошел терминал, дошел до стоянки авто. Жена, несмотря на раннее утро, была бодра, прекрасно выглядела. Обрадовалась, обняла его. Что-то щебетала ему, рассказывала про победу младшего на соревнованиях по теннису. Он улыбался и рассеянно кивал. Голова была пустая, как ведро.

Когда жена пошла оплачивать стоянку, он достал телефон и написал ей: «У меня все Ок». Она уже спала. Проснулась, прочитала и заблокировала его в списке контактов.

«Тапочки для супермена»

10 минут - это допустимо, чтобы походить с грязной задницей?

Он вошёл в квартиру и увидел, как она спешно оттирает ребенка от чего-то жёлтого тряпкой из микрофибры. Он такими очки чистил.

Она была сосредоточена на процессе. Кивнула ему, не отрываясь. Мол, здравствуйте.

Он поздоровался. Она вскинула голову. Взлохмаченная гулька из перекрашенных волос. Халат самый обычный. Махровый. Ребенок на вид примерно годовалый. Он не особо в них разбирался. Мальчишка вертелся в стульчике со столешницей. Размахивал руками и отчаянно сопротивлялся вытиранию. Отстаивал свое право выглядеть так, как ему хотелось.

Он застыл на пороге. Она еще раз обернулась на него:

– Надевайте тапочки, вон они, на полке.

– Нет-нет, я так, спасибо. – Ага, значит, мужчина в доме все же имеется. А ему говорили, что она только вот развелась. Ну, собственно, какое ему дело?

– Полы холодные. Да вы не переживайте, они новые, – за чем-то добавила она и смутилась.

Он послушно переобулся. Она закончила гигиенический экзорцизм и вызволила вертлявого парнишку из заточения. Едва оказавшись на полу, он резво стартанул к гостю. Остановился перед ним на расстоянии метра, посмотрел с любопытством, потом улыбнулся, подошел поближе и взял его за руку своими маленькими пальчиками.

Ему пришлось слегка наклониться вправо, потому что мальчик был совсем невысоким в силу возраста. Но весьма

настойчивым – тут же потянул его куда-то и безапелляционно заявил: «Падем»!

Она суетилась на кухне и обернулась на голос сына.

– О, да вы ему понравились. Ну, все. Теперь вам придется посмотреть коллекцию его машинок, – рассмеялась она.

– Ну, если она не размером с британский моторный музей, то я готов, – он улыбнулся в ответ и послушно зашагал за ребенком, все также накренившись в сторону маленькой ручонки.

– Вообще то, за чем вы пришли, как раз в той же комнате. – Она обогнала их процессию. – Я сейчас все покажу.

– Марик, не мешай! – обратилась она уже к сыну, но тот шел к цели, не обращая внимания на возможные препятствия.

Она на секунду удивилась. Сын, конечно, парень общительный. Но чтобы вот так сходу, с порога – да за руку и в комнату. Ну, пусть. А этот товарищ молодец, подыграл. Наверное, сам молодой отец. Сечет. Хотя какая ей разница. Она и номер-то его не сохраняла. Вон он, на бумажке записан, на холодильнике.

Позвонила хозяйка квартиры, попросила кое-что забрать из оставленных вещей. Для нее это было временное приста-

нице после развода с мужем. Ей надо было продать квартиру, она ее освободила и съехала в пустующее жилище знакомых через 6 рукопожатий. За весьма умеренную плату. Жить там, где последние полгода тарелки бились чаще, чем заваривался чай. Где оба взрослых закипали просто от одного взгляда друг на друга, а ребенок перестал спать и бесконечно орал, надрывая пупок, до посинения и судорог... Нет уж, увольте. Да и показывать жилплощадь, в которой проживает мальчик полутора лет, такой себе продающий ход. Порядка там по умолчанию быть не может. Поэтому она полностью освободила помещение, отдала ключи риэлтору и поселилась тут, распаковав коробки с самым необходимым – чтобы собирать потом как можно меньше.

Она открыла створки шкафа и показала ему – вот ваша цель. Он кивнул и хотел было подняться, но Марик повелительно сказал: «Сядь». И он оправдательно развел руки. Мол, что тут поделать?

Она улыбнулась.

– Если что, ищите все вот в этом шкафу. Здесь все хозяйские вещи. Я не заглядывала даже. Если помощь понадобится, зовите, а то у меня там кекс сейчас сгорит.

– Хорошо, хорошо, я разберусь.

Она выскочила в кухню, откуда правда доносился весьма аппетитный аромат домашней выпечки. Он посмотрел ей вслед. Худющая. Прямо тощая. Даже через махровый халат лопатки видно. Ужас. Килограмм 40-то есть в ней? А пацан крепкий такой. Правда, опыта с детьми у него не было, но видно было, что мальчишка широк в кости и весьма развит.

Внезапно она забежала в комнату и умоляюще взглянула на него.

– Простите, вы же все равно еще искать будете? Вы можете буквально 10 минут побыть с Мариком? Он тихий и спокойный, – Она зачем-то оправдывалась. – Мне за сливками надо сбежать, не хватило. Тут магазин в соседнем доме, я мигом.

– Конечно, конечно, я не спешу. – Он встал и засунул руки в карманы. Повертел головой в поисках шкафа, медленно направился к нему.

Она схватила джинсы и майку, и уже через пару минут он услышал, как хлопнула входная дверь. Он открыл створки, но поглядывал больше на мальчика. Все-таки такая ответственность. А он нянь неопытный. И тут он заметил, что ребенок застыл, сосредоточился, засопел... И аромат домашней выпечки перебило весьма душистое амбре свежих детских какашек.

– Ээээ, братан, это подстава. – Он искренне растерялся. 10 минут – это допустимо, чтобы походить с грязной задницей? Или что?

Пока он думал, мальчик примял продукт своего труда увесистой задницей. Он заметил, как по краям шорт проступают коричневые пятна. А сам герой уже дергал штаны и кричал: «Кака, кака! Убей!»

В смысле убей? КАК???

– Дружок, мама придет через 10 минут. Она тебя переоденет, хорошо?

– Неть! Ты убей! – И настырное дите гордо зашагало в ванную.

Он шел за ним и офигевал. Вот это вляпался. Буквально, причем.

– Марик... эээ... я не умею. – Но тот уже снял с себя все сразу. И какашки радостно посыпались на кафельный пол. О боже! Где он согрешил? Не пропустил пешехода на переходе – теперь это так карается?

Единственное, что пришло на ум – это поставить ребен-

ка в ванну. Он озирался по сторонам. Куда девать грязный подгузник? Куда положить испачканные шорты? А главное, КАК убрать говно с пола?

По последнему пункту решил просто. Отмотал побольше туалетной бумаги, собрал с плитки, преодолевая тошноту, и смыл все в унитазе. Остальное – за пределами его итак завышенных компетенций.

Мальчик тем временем радостно писал в ванну. Он осторожно включил воду. Потрогал. Вроде, теплая.

– Тебя помыть? – Спросил он у ребенка.

– Дя, – уверенно кивнул тот в ответ.

Он еще раз потрогал воду. Ему норм. Но все еще не решился поднести душ к детской попе. Штирлиц никогда еще не был так близок к провалу.

– погоди, дружок, я руки сам вымою. Постоить тут минутку. – Он переключил воду на кран, высоко закатал рукава рубашки и тщательно вымыл руки. Как хирург перед операцией. У него отец так всегда делал по врачебной привычке.

Затем неуверенно. Практически зажмурившись... Аккуратно полил водой ноги мальчика и поднялся чуть выше

к спине. Тот хохотал и топал ногами, радуясь брызгам.

– Тебе не горячо?

– Неть!

Он отмыл ягодичы от какашек. Но вот дальше... За шумом воды он не услышал, как вернулась она. Крикнула с порога «Как вы?», не получила ответа, успела испугаться, но различила возню в ванной. Заглянула туда и...

– О, господи! Марик! Вот умеешь ты вовремя подна-срать! – Ей было смешно и немного стыдно перед случайным гостем, которому досталась не самая героическая миссия. – Извините, пожалуйста, спасибо, давайте я сама.

Он передал ей душ, и стоял, как тот самый хирург – локтями вперед, кисти вверх. Сушил руки. И с любопытством наблюдал, как ловко она вымывает ребенку гениталии. Марик продолжал хохотать и вертеться. Вода ему явно нравилась.

– Мама, я кака!

– Я вижу, а главное, как вовремя, – она тоже смеялась. Вот же досталось парню. – А вы хорошо справились. Опыт?

– Нет, это дебют. – Он смущенно улыбался. – И вероятно, не самый удачный.

– Да что вы! – Она обернулась из позы пьющего оленя

и с любопытством посмотрела на него снизу вверх. – Ну, хотя бы не растерялись...

Пока она вытирала сына пушистым полотенцем со слюном, он все еще стоял позади нее в ванной. Любовался ее ловкими движениями. Тощая, да. Но фигура красивая. И грудь есть. И живот, как у девочки. Она вообще напоминала выпускницу. Максимум – первый курс. Только дурацкий цвет волос. А точнее, отросшие корни. И нелепый кулек на голове. Видно было, что ей некогда за собой следить. Джинсы были великоваты и свисали с худой задницы. Майка обтягивала ребра. Но вот грудь. Это дааа.

Она подхватила сына и поставила его на пол. Тот сразу рванул в комнату. Гольшом.

– Марик, трусы надень, пожалуйста! – крикнула она ему вслед. И удивленно уставилась на него. Он все еще был здесь. Зачем? И кстати, пялился на ее грудь. Очень интересно. – Спасибо вам большое. Еще раз извините. Вы нашли, что искали?

– Ааааа, да не за что. – Он смущенно отвел глаза и снова спрятал руки в карманы. – Не успел, простите! Сейчас я мигом и уйду.

Он выскочил из ванной и помчался к шкафу. Малец

в комнате уверенно натягивал трусы-подгузники. Самостоятельный, однако, парнишка, подумалось ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.